

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Институт философии
Кафедра истории философии

Выпускная квалификационная работа

на тему

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА В РАБОТЕ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА
«МИР КАК ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ»

Выполнила:
студентка 4 курса 1 гр.
направления «Философия»
Абаджиди Д.Д.

Научный руководитель:
ст. преп., к.филос.н.
Коротков Дмитрий Михайлович

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение.....	3
I. Определение понятий.....	6
1. Понятие образа.....	6
2. Объективация воли.....	11
II. Человек в универсуме "Мира как воли и представления".....	14
1. Идея человека.....	14
2. Характеры.....	16
III. Образы человека.....	21
1. Индивидуальные образы.....	21
2. Этические образы.....	25
IV. Субъект познания.....	29
1. Человек как субъект.....	29
2. Гений.....	31
V. Образ познавшей себя воли к жизни. Аскетизм.....	36
VI. Отрешённость.....	39
Заключение.....	42
Список литературы.....	47

Введение

Учение Шопенгауэра, по его же собственным словам, составляет одну-единственную мысль¹. Эта мысль являет собой высшую степень пронизательности союза чуткой внимательности и честного разума; она – проекция истины в гениальном уме, истины, света которой сознательно или, чаще, неосознанно ищет каждое существо, наделённое разумом.

Истина абсолютна, уникальна, универсальна... такие свойства можно приписать ей, если позволить фантазии заполнить отрицательное понятие «не-множественности» неким положительным содержанием. Нам (и не только) наиболее удачным среди катафатических определений истины представляется понятие о её единстве. И поскольку она едина, то таковой являет себя и её непосредственная проекция, то есть первая, или наиболее адекватная объективация. В доказательство тому – известный факт творчества Шопенгауэра: мысль философа сохраняет своё единство вне зависимости от объема и количества текстов, в которых она изложена. Единство содержания мысли схватывается интуитивно, непосредственно, но изложена она дискурсивно, последовательно: «между формой и материей здесь, таким образом, будет противоречие»², замечает сам автор. Здесь форма – это явленность постигнутого автором в виде последовательности мыслей-предложений. Материя же есть та единая мысль, которую скорее следует понимать как непосредственное созерцание, гениальное прозрение, но точно не как систему абстрактных понятий. Вопрос того, как связаны то, *что* является, с тем, *как* оно является, есть, собственно, вопрос соотношения *вещи в себе* и её *явления*. Это соотношение может быть названо формальной осью движения всей мысли Артура Шопенгауэра. Именно поэтому в предисловии

¹ Предисловие к первому изданию «Мира как воли и представления». Здесь и далее мы ссылаемся на текст «Мира как воли и представления» второго издания Собрания сочинений Шопенгауэра. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6т. Т. 1: Мир как воля и представление: Т. 1. – М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015. С.4.

² Там же

к первому изданию он указывает, что предполагает «основательное знакомство» будущего читателя с философией Канта³.

Сущность мира проявляет себя во множестве бытийных форм. Это силы, которые мы знаем под именами химических, физических, эволюционных и других законов природы. Это различные материальные элементы, их конфигурации и состояния, которые мы называем именами веществ. И, наконец, это жизнь, которая есть произвольное движение вещественных образований. Чем больше количество параметров⁴, задающих такие образования, тем выше степень произвольности их движений, то есть тем меньше их непосредственная зависимость от среды и тем значительнее возможность проявления индивидуальности. Жизнь человека – самая сложная в этом смысле форма бытия. И потому при должной аккуратности исследования человеческие образы наиболее ясно и совершенно обнаруживают сущность мира.

Наше исследование посвящено проблеме образов человека в «Мире как воле и представлении». Поскольку мысль философа неделима на элементы, и, значит, ответ на заданный тексту вопрос не может быть найден ни в какой из частей книги⁵, действительно исследовать интересующую нас конкретность означает рассматривать понятое единство произведения сквозь

³ Там же, С.7

⁴Соизмерений: *παρά* «возле, рядом» + *μετρέω* «измеряю». Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2т. Т.2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. С.1233, 1088

⁵ «Я сказал уже, что все это сочинение представляет собой лишь развитие единой мысли; отсюда следует, что все его части теснейшим образом связаны между собою и не только каждая необходимо соотносится с предыдущей и прежде всего ее предполагает в памяти читателя (как это бывает во всех философских системах, состоящих просто из ряда умозаключений), но и каждая часть всего произведения родственна каждой другой и ее предполагает. Поэтому требуется, чтобы читатель помнил не только непосредственно предшествующее, но и все прежнее, и умел соединять его с каждым данным местом, сколько бы другого материала ни находилось между ними; такое требование предъявлял к своему читателю и Платон: в запутанном лабиринте его диалогов можно лишь длинными окольными путями возвратиться к главной мысли, становящейся оттого гораздо яснее. С нашей стороны подобное требование неизбежно, ибо, хотя расчленение нашей единой мысли на многие соображения и составляет единственное средство для ее передачи, но для самой мысли это не существенная, а только искусственная форма. Чтобы облегчить изложение и сделать его понятнее, материал разделен, с четырех главных точек зрения, на четыре книги, и все родственное и однородное тщательно связано между собою; однако само содержание не допускает прямолинейного хода мысли (как это бывает в исторических работах), а делает необходимым более извилистый путь и потому требует неоднократного изучения книги: только это позволит уяснить связь каждой части с любой другой, и лишь все они, взятые вместе, полностью освещают одна другую». §54, С.245. Здесь и далее, указывая параграф, мы ссылаемся на первый том «Мира как воли и представления».

призму поставленной задачи. Её мы формулируем в виде вопросов: Что такое образ человека? Какие образы человека существуют в универсуме исследуемой нами мысли? Какое значение они в ней имеют?

I. Определение понятий

Исследуемая нами проблема в том или ином виде представлена западной мысли с тех пор, как гений обратился к древним грекам с призывом: «Γνῶθι σαυτόν». В качестве собственно философской она была поставлена, если верить (а у нас нет ни оснований этого не делать, ни желания их отыскивать) Ксенофону и Платону, Сократом. В понимании последнего постижение истины делает человека добродетельным, истинное же знание – это знание самого себя, а вовсе не того, чем ты кажешься или чем владеешь (Алкивиад I). Так, Сократ полагал самопознание той силой, что меняет образ жизни человека, так как создаёт для него его образ – ориентир принятия всех решений.

Впрочем, мы перелагаем содержание так называемого «этического рационализма» в терминах не совсем (или даже совсем не) привычных. И здесь уместно будет привести цитату Шопенгауэра, которой он открывает своё конкурсное сочинение, озаглавленное «О свободе воли»: «По отношению к столь важному, серьёзному и трудному вопросу... уместна, конечно, большая точность, и потому мы начнём с анализа содержащихся в теме главных понятий»⁶.

1. Понятие образа

В первую очередь, нам следует определиться с понятием образа.

Обратимся к этимологии слова. Словарная статья говорит нам, что в праславянском языке образ есть «нечто отраженное, вырезанное»⁷ и советует обратить внимание на слова «резать»⁸ и «отразить»⁹. В ней указано также,

⁶ Шопенгауэр, А. О свободе воли. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. С. 217

⁷ «Образ – в философии: результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека; вид, облик; живое, наглядное представление о ком-, чём-л.; в искусстве: обобщённое художественное отражение действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления; в художественном произведении: тип, характер; чего порядок, направление чего-л., способ; (устар.) то же, что икона; прилаг. образной и образный. В рус. языке XI–XVII вв. изв. образъ «вид, облик», «изображение, икона». Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т.2. – М.: Флинта: Наука, 2010. С. 46

⁸ «Резать – несврш., кого, что *разделять на части, отделять от целого* чем-л. острым; кого, что, делая надрез, *вскрывать*, а также (разг.) оперировать; кого (что) убивать острым орудием; перен., кого, что

что образ есть вид¹⁰, облик¹¹, наглядное представление о чём-либо. Данное определение указывает на то, что образ как объект существует в силу конкретной способности субъекта – видения (зрения, усмотрения). И если «ведать¹² (нечто)» значит «иметь сведения (об этом нечто)» в общем, то «видеть (нечто)», будучи при таком рассмотрении определённым видом знания, значит «иметь образ (этого нечто)».

Словом «образ» переводят на русский язык такие значимые в историко-философском отношении термины, как *икона* (εἰκών¹³), *форма* (μορφή¹⁴), *идея* (ιδέα¹⁵), *эйдос* (εἶδος¹⁶). Данное исследование – не место для подробного лингвистического разбора, однако сделать некоторые замечания филологического характера относительно указанного факта представляется необходимым. Все перечисленные слова могут быть поняты в соответствии со значением слова «образ». Между тем, каждое из них имеет собственный смысловой оттенок в зависимости от своего происхождения или распространённого употребления. Так, икона более других отсылает нас к

ставить в безвыходное положение, губить (прост.); что, по чему делать изображение на поверхности чего-л. острым инструментом; изготовлять вырезыванием; что причинять резкую боль, врезаться». Шапошников, Т.2. С. 274

⁹ «Отразить – сврш., что о какой-л. физической среде: отбросить от себя; кого, что отбить, защититься от кого, чего-л.; что о гладкой и принимающей свет поверхности: *воспроизвести изображение*; кого, что воспроизвести, *представить в образах, выразить*». Этимологический словарь современного русского языка. Шапошников, Т.2. С. 93

¹⁰ «Вид – внешний облик кого-, чего-л., внешность, *наружность*; внешний облик как *проявление внутреннего состояния* человека, его *характера*; то, что открывается взгляду, зрелище, картина; предложения, планы, расчеты на что-л.; вид на жительство; разновидность, тип; общее понятие, входящее в состав другого, более общего, родового понятия; совокупность особей, обладающих одинаковыми признаками, единица классификации животных, подчиненная роду как высшей единице; грамматическая категория в некоторых языках, обозначающая *характер протекания глагольного действия*». Шапошников, Т.1. С. 115

¹¹ «Облик – внешний вид, очертание, наружность; перен. характер, душевный склад». Этимологический словарь современного русского языка. Шапошников. Т. 2. С. 40. «Характер – из греч. *χαρακτήρ* «отпечаток, клеймо, начертание, отличительная черта, своеобразие». Там же, с. 487

¹² «Ведать – устар. иметь сведения о ком-, чем-л., знать; испытывать, ощущать, чувствовать; заведовать, управлять, распоряжаться чем-либо». Шапошников, Т.1. С. 98

¹³ 1. Likeness, image, whether picture or statue; image in a mirror; personal description; representation. 2. Semblance, phantom. 3. Similitude, comparison. 4. Pattern, archetype. Henry George Liddell, Robert Scott. A Greek-English Lexicon. With a revised supplement. Oxford, Clarendon Press, 1996. P.485

¹⁴ 1. Shape. 2. Fashion, appearance. 3. Kind, sort. Liddell – Scott, P.1147

¹⁵ 1. Form; semblance, outward appearances (opp. reality); kind, sort; style, a quality of style. 2. = εἶδος, class, principle of classification; archetype; notion. Liddell – Scott, P.817

¹⁶ 1. That which is seen: form, shape; comeliness; physique, habit of body, constitution; pattern. 2. Form, kind, or nature; situation, state of things; plan of action, policy; specific notion, meaning, department, type, sort. 3. Class, kind; in Pl., logical species; = ιδέα, form, opp. matter (ὕλη); formal cause, essence. 4. In later Gr., wares of different kinds, goods, payments in kind. Liddell – Scott. P.482

подобию сущего и его образа; форма – к *определённости* образа, его ограниченности и субстанциальности. Идея и эйдос указывают, во-первых, на свойство *видности*, доступности зрительному восприятию, во-вторых же, на *характеризуемость* образа, т.е. отсылают нас к обнаруживаемым в образе характеристикам, позволяющим отнести конкретное сущее к тому или иному виду (классу).

Суммируя сказанное, мы можем определить образ как совокупное единство обнаруживаемых (наглядных, конкретных) свойств того сущего, которое мы предполагаем изображённым. Для образа характерно следующее:

1. он полагается в некотором отношении подобным изображаемому посредством него сущему, имеет с ним сходство;
2. он определён (ограничен, завершён¹⁷) и с необходимостью представляет изображаемое сущее в качестве субстанции¹⁸, т.е. образ – это схватываемая (конципируемая) в интеллектуальной форме сущность;
3. представленность сущего в том или ином образе основана на восприятии.

Наше размышление подвело нас к мысли о том, что основанием, а значит условием возможности и причиной, существования образа является восприятие. Здесь впору обратить исследовательское внимание на тот факт, что восприятие есть всегда и без исключения *чьё-либо* восприятие *чего-либо*. Выражая эту сентенцию в терминах, традиционных для европейской метафизики, скажем: феномен восприятия предполагает в качестве необходимых условий *субъекта* и *объект*.

¹⁷ Степень раскрытия свойств сущего в образе может быть большей или меньшей, однако последний всегда замкнут. Открытость границ исключает конкретное единство изображаемых свойств, т.е. лишает представление субстанциальности.

¹⁸ Substo [sub- + sto] 1. To hold one's ground, stand fast. 2. To remain or be (in a specified state); to be present or exist. Oxford Latin Dictionary, Oxford at The Clarendon Press, 1968. P.1851. То, что образ представляет сущее в качестве субстанции, означает, следовательно, что он удерживает свойства, обнаруживаемые сущим, в пределах некой устойчивой (единой) формы.

Что значит быть субъектом восприятия и что есть его объект? Согласно Шопенгауэру, развивающему мысль Канта, *объект* восприятия не есть сущее как таковое, или вещь в себе, но *есть то, как сущее себя являет*, или его образ. То же самое сущее, или вещь в себе, *актуально проявляющее свою способность воспринимать образы, есть субъект* восприятия.

Мы понимаем *восприятие*¹⁹ в предельно широком смысле, а именно, как *процесс и результат перемен в субъекте из-за*²⁰ *контакта* с чем-либо для субъекта иным, то есть, собственно, *объектом*. Контакт, о котором идёт речь, означает одновременно активную и пассивную роль субъекта в формировании образа, поскольку материя опыта принимается *извне* и оформляется *внутренними* средствами. Этот контакт возможен лишь при условии наличия непосредственного объекта, т.е. тела. Шопенгауэр пишет об этом так²¹: «...рассудок никогда не смог бы найти себе применения, если бы не было чего-то другого, откуда он исходит. И это другое – простое чувственное ощущение, то непосредственное сознание изменений тела, в

¹⁹«В рус. языке XI–XVII вв. изв. только принимать. Позднее рус.-цслав. приставочное новообразование от глаг. принимать, соотносительное с воспринять. Внутренняя форма слова сложилась под влиянием зап.-европ. образцов». Шапошников, Т.1, С. 145.

«Собств.-рус. видоизменение со вставным -н- глаг. прияти, восходящего к праслав. *прийѣти, приставочному производному от *йѣти, *йъмѣ». Т.2. С. 219

Percipio [per- + capio] 1. To take (natural produce) from the place of growth, source of production, etc., harvest or sim. 2. To acquire possession of (esp. as the proceeds or reward of one's efforts), earn, reap. 3. To become possessed of, acquire, derive, reap (abst. things). 4. To intercept in flight, catch hold of; to take from its surroundings, absorb. 5. To receive delivery of. 6. To perceive, apprehend, notice. 7. To take in or grasp with the mind. 8. (of natural forces) To take a hold or possession of; (of feelings, states of mind, etc.) to grip, seize, possess. Oxford Latin Dictionary, P.1330

²⁰ «Из-за – кого, чего, предлог с род. п. обозначает направление, движение откуда-л., из места, закрытого чем-л., с противоположной стороны чего-л.; по причине чего-л., по вине кого-, чего-л. В рус. языке XI–XVII вв. уже изв. из за. Сложение предлогов из и за». Шапошников, Т.1. С.342

«Из – кого-чего, предлог с род. п. обозначает направление действия откуда-л., источник, место, откуда исходит что-л.; обозначает выделение части целого, вычленение из целого; чего употр. при обозначении того, посредством чего что-л. делается; обозначает признак чего-л. по составу, материалу; обозначает изменение, превращение кого-, чего-л. в кого-, что-л.; чего указывает причину, основание чего-л.». Шапошников, Т.1. С. 336

«За – кого-что и кем-чем, предлог с вин. и тв. п. по ту сторону, вне, позади кого-л., чего-л.; около, возле, вокруг чего-л.; обозначает направленность действия на лицо или предмет, по причине, вследствие чего-л., из-за наличия или отсутствия чего-л.; с вин. п. указывает на лицо или предмет, к-рый охватывается, к к-рому прикасаются при направлении на него действия; что свыше какого-л. предела». Шапошников, Т.1. С. 277

²¹ «Итак, тело для нас является непосредственным объектом, т.е. тем представлением, которое служит для объекта исходной точкой познания, ибо оно со своими непосредственно познаваемыми изменениями предшествует применению закона причинности и, таким образом, доставляет ему первоначальный материал. Всё существо материи состоит, как было показано, в её деятельности. Но действие и причина существуют только для рассудка, который есть не что иное, как их субъективный коррелят. Однако...» §6, с. 32

силу которого последнее предстаёт как непосредственный объект. Поэтому для познания мира мы находим два условия. Первое, если мы *выразим его объективно*, - это способность тел действовать друг на друга, вызывать друг в друге изменения, - без этого общего свойства всех тел даже и при наличии чувствительности животных тел, созерцание было бы невозможно; если же это первое условие выразить субъективно, то оно гласит: только рассудок и делает возможным созерцание, ибо лишь из рассудка вытекает и лишь для него имеет значение закон причинности, возможность действия и причины, и лишь для него и через него существует поэтому наглядный мир. Второе условие – это чувствительность животных тел, или свойство некоторых тел быть непосредственно объектами субъекта. Простые изменения, которые испытывают органы чувств в силу их специфической приспособленности к внешним воздействиям, можно, пожалуй, называть уже представлениями, поскольку такие воздействия не пробуждают ни боли, ни удовольствия, т.е. не имеют непосредственного значения для воли и всё-таки воспринимаются, существуя, следовательно, только для познания»²².

Он различает два класса объектов, которые могут быть познаны: отношения между причиной и действием и абстрактные понятия²³. Первые – это наглядные представления, познание которых составляет функцию рассудка. Функция разума же – образование понятий, которым «вполне подходит название представлений о представлениях»²⁴. Разум заимствует содержание для своих объектов из «наглядного мира первообразов»²⁵ путём рефлексии – повторения и воспроизведения в новом деиндивидуализированном качестве. Понятия обобщают конкретные, определённые местом и временем содержания восприятий. Последние могут быть признаны, поэтому, источником всех представлений, как рассудочных, так и разумных, то есть познания вообще.

²² §6, с. 32

²³ §8, с. 47

²⁴ §9, с.49

²⁵ Там же

Классы представлений различаются по качеству их содержания. Понятие образа не касается того, *что* в нём изображается, но того, *как* это происходит. Исходя из этого, образ не может быть подвержен подобной классификации. Образ – это аспект представления как такового: индивидуализированная форма явленности воспринятого, в которой оно предстаёт субъекту в качестве объекта познания; образ – это сама видимость представления, то есть то, что позволяет представлению быть воспринятым субъектом в качестве отделённого от него объекта.

2. Объективация воли

Понятие объективации воли имеет принципиальное значение в «Мире как воле и представлении», поскольку на нём основан дискурс явленности воли. Без уяснения смысла объективации мир как воля и мир как представление не будут в должной мере различены.

Шопенгауэр определяет объективированное бытие как такое, которое вступило в созерцание²⁶. Образ – один из способов данности созерцания. Текст произведения указывает на то, что как категория явления такая данность – не единственная. Более того, она вторична в онтологическом плане, обоснование чему представлено ниже.

В бесчисленных образах (индивидах)²⁷ выражены различные ступени объективации воли²⁸. И такое их выражение, индивидуальное, а значит – множественное, несовершенно; индивиды не в состоянии достичь совершенства этих ступеней, которое, пишет Шопенгауэр, «есть не что иное, как *платоновские идеи*»²⁹.

В первом томе об идее сказано, что она есть вечная форма, непосредственная объектность воли на данной ступени³⁰ объективации; что

²⁶ §18, с.98

²⁷ §35, с. 163

²⁸ Там же

²⁹ Там же

³⁰ §34. С.160

только она представляет собой «адекватную объектность воли»³¹; что она «есть даже вся вещь в себе, но только в форме³² представления»³³, что идеи – это формы природы, в которых «раскрывается, т.е. принимает форму представления, объектности, одна и та же воля»³⁴. Во втором томе, говоря об объектах чистого субъекта познания, Шопенгауэр характеризует идеи как «пребывающие, неизменные, от временного бытия вещей независимые образы, species rerum, которые собственно и составляют чисто объективный момент явлений»³⁵. Он пишет, что постигнутая идея не есть сущность вещи в себе, но есть результат познания суммы всех отношений и представляет собой «истинный характер вещи» и «полное выражение» сущности вещи в себе, «воспринимаемой созерцанием как объект и познаваемой не в отношении к какой-нибудь индивидуальной воле, а так, как она выказывается сама собою, чем и определяет все те свои отношения, которые до тех пор одни только и познавались»³⁶. Далее об идее сказано, что она есть «центральный пункт» всех отношений и потому «полное и совершенное явление»³⁷.

Итак, *идеи суть безусловно, абсолютно определённые меры проявленности вещи в себе*. Идеи различны, однако вещь в себе неделима и всецело присуща каждому явлению, из чего ясно, что множественность ступеней её объективации имеет своей причиной не различённость объективируемой в них сущности, но исключительно степень интенсивности её объективации³⁸. Каждая идея

³¹ §34. С.161

³² Форма представления вообще – бытие объектом для субъекта. Например, § 17. С.95; §32. С.157

³³ §32, С. 157. Далее там же: «Отдельные же вещи не составляют вполне адекватной объектности воли, но эта объектность уже замутнена здесь теми формами, общим выражением которых служит закон основания, - формами, составляющими, однако, условие познания, насколько оно возможно для индивида как такового».

³⁴ §27. С.133

³⁵ Глава 29. С. 305. Здесь и далее, указывая главу, мы ссылаемся на второй том «Мира как воли и представления».

³⁶ Там же

³⁷ Что равнозначно «адекватной объектности воли»

³⁸ Можно, пожалуй, в качестве пояснения этой мысли сослаться на разницу категорий качества и количества

- ∴ относится к своим проявлениям (отдельным вещам) как образец совершенства («вечная форма»³⁹);
- ∴ не подчинена закону основания, однако ограничена формой представления вообще, т.е. формой бытия объектом для субъекта; и потому
- ∴ в онтологической иерархии занимает место между отдельной вещью⁴⁰ (индивидом) и вещью в себе⁴¹;
- ∴ является наиболее адекватной объектностью⁴² воли на конкретной ступени объективации, т.е. природой, сущностью объективирующей во множестве образований силы⁴³;
- ∴ раскрывается во множестве явлений и обнаруживает познающим индивидам своё существо только по частям, одну сторону за другой⁴⁴.

Для философского познания мира необходимо, следовательно, отличать идеи от способа, каким её явления предстают перед индивидуальным субъектом познания, т.е. от образов. Последние суть проявления идей во времени, пространстве и множественности, сообщающих объектам познания качественные различия.

³⁹ §25. С. 123

⁴⁰ Которая, проявляясь согласно закону основания, «представляет собой лишь косвенную объективацию вещи в себе». §32. С.157

⁴¹ §32. С.157

⁴² Там же

⁴³ §35. С.162

⁴⁴ Там же

II. Человек в универсуме "Мира как воли и представления"

Теперь, когда мы уяснили для себя те моменты мысли Шопенгауэра, которые принципиальны для исследования конкретно нашей проблемы, и определили понятия, с которыми нам предстоит работать, время обратиться к основному предмету нашего интереса – к человеку.

1. Идея человека

Всякое сущее относится к той или иной ступени объективации воли, не исключение и человек. В его идее, пишет Шопенгауэр, «воля обретает самую ясную и совершенную объективацию»⁴⁵. Она есть умопостигаемый характер человечества, объективирующийся для познающего субъекта во множестве человеческих индивидов, эмпирические характеры которых образуют историю мировых событий⁴⁶. Воля в разнообразных формах (образах) человеческой жизни обнаруживает свою сущность «в свойствах, страстях, заблуждениях и достоинствах человеческого рода – в своекорыстии, ненависти, любви, робости, отваге, легкомыслии, тупости, лукавстве, остроумии, гениальности и т.п.; всё это, соединяясь и отлагаясь в тысячах разнородных образов (индивидов), непрерывно создаёт великую и малую историю мира...⁴⁷». Здесь вещь в себе является познающему субъекту наиболее развёрнуто и выразительно. Воплощаясь в человечестве, самая совершенная ступень объективации раскрывает сущность воли в многообразии человеческих характеров. Эта множественность выражений *освещает* наибольшее количество её собственных свойств, что позволяет говорить об идее человека как о самой *ясной* объективации воли.

⁴⁵ Ясность выражения воли в идее человека, впрочем, не означает полноту объективации всей сущности мира. «Чтобы появиться в своём надлежащем значении, идея человека не могла выступать одинокой и изолированной, она должна была пройти в сопровождении нисходящих ступеней через все формы животных, через царство растений, вплоть до неорганического мира; все они лишь восполняют одна другую до полной объективации воли, и они так же предполагаются идеей человека, как цветы дерева предполагают листья, ветви, ствол и корни; они образуют пирамиду, вершина которой – человек». §28. С.142

⁴⁶ §35. С.163

⁴⁷ §35. С.163

Идея человека вообще может быть постигнута из единства человеческого рода. Отдельный же человеческий индивид выражает не весь род в целом, а только какие-то определённые его умозрительным характером (отдельным и простым в себе актом воли⁴⁸) черты человечества.

Поскольку объект есть всегда и только объект познания [субъекта], то *совершенство* объективации следует понимать как высшую степень её познаваемости. Следовательно, в человечестве воля достигает *самопознания возможно высшей степени*. И это самопознание совершается в представленных субъекту образах человека.

Образ возникает в рефлексии воли о самой себе, в зеркале мира как воли – мире как представлении. Различие образов определено различием способов самопознания воли в индивидах, то есть тем, *как* и *какой* воля видит себя через них. Человек, в отличие от прочих элементов мира как представления способен к индивидуальной рефлексии. Рефлексия, или осознание делает возможным абстрагирование собственной сущности, то есть расщепление себя на субъект и объект познания. Эта способность свойственна вещи в себе как основанию мира. До возникновения индивидуального сознания существовал лишь один субъект – воля, и у него был лишь один объект – мир как представление. На высшей же ступени объективации каждый человеческий индивид приобрёл возможность актуализировать себя в качестве субъекта, а представление расщепилось на множество отдельных вещей.

Всякое познание – это инструмент воли, т.е. её проявление, имеющее свою причину: «Воля, которая до сих пор в потёмках следовала своему порыву очень уверенно и безошибочно, зажигает себе на этой ступени свет как средство, необходимое для того, чтобы уничтожить *вред*, который из столкновения и сложных свойств её проявлений мог бы возникнуть именно

⁴⁸ = идей. §28. С.143

для самых совершенных из них»⁴⁹. Познание – это зеркало мира. Но мир есть воля, поэтому мы говорим, что познание – это её самопознание. В дальнейшем мы увидим, что в качестве вреда, который должен быть уничтожен, может оказаться познанной даже и сама воля.

Явление воли должно было открыть глаза, чтобы эффективнее ей служить: индивид, сохраняя себя и создавая потомство, обеспечивает возможность всё более и более полной объективации воли во множестве своих проявлений⁵⁰. Служебная функция познания проявляет себя в подчинённости закону основания. Причиной всякого действия индивида является мотив, ищущее удовлетворения желание, которое детерминировано его идеей, или характером.

2. Характеры⁵¹

Особенностью человечества является то, что «в нём родовой характер отделён от характера индивидуального, и потому каждый человек... до известной степени выражает собой совершенно самостоятельную идею»⁵². Идея человечества находит своё выражение в индивидах, «обладающих самобытной значительностью»⁵³. Значительность эта состоит в том, что вещь в себе обнаруживает в индивиде присущие ей самой особенности, которые заданы тем актом воли, что обнаруживается в эмпирическом характере человека.

Здесь следует определить содержание новых терминов. Характер подлежит *идеальному восприятию* и служит выявлению некоторой стороны

⁴⁹ §27. С.139-141

⁵⁰ Касается только высших ступеней объективации воли, т.е. тех, на которых идея нуждается «для своего проявления в целом ряде состояний и раскрытий во времени, которые лишь в своей совокупности завершают выражение её сущности». §28. С.143

⁵¹ Χαράσσω 1) острить, точить; 2) снабжать зубцами, зазубривать; 3) разрезать, бороздить; 4) царапать, ранить; 5) вырезать, начертывать, чертить; 6) метить, клеймить; 7) выбивать, чеканить; 8) возбуждать, разжигать; 9) раздражать, сердить. Дворецкий, Т.2. С. 1765

⁵² §.45. С.197

⁵³ Там же

идеи человечества⁵⁴. Шопенгауэр принимает различие между умопостигаемым и эмпирическим характером, установленное Кантом, рассматривая первый в качестве воли как вещи в себе, второй – как его выражение в поведении (время) и строении тела (пространстве). Под умопостигаемым характером следует понимать вневременный, неизменный акт воли, а под эмпирическим – его проявление, развёрнутое в форме закона основания, т.е. образ жизни. Так, основу существа характера составляет желание⁵⁵; он предписывает человеку его внутреннее свойство – непосредственную склонность, мотив – в необходимом соответствии с которым он будет познавать то, чего хочет⁵⁶.

Характер проявляется в поступках, которые определены заданными вневременным актом воли мотивами. Мотивы действуют на человека через посредство познания, что справедливо и для животных. Однако в способах того, как животное и человек управляются мотивами, существует различие. Оно оказывает огромное влияние на существо обоих и «составляет основную часть того глубокого и очевидного различия, которое существует между характерами их бытия»⁵⁷. Для животного мотивом служит всегда только наглядное представление, человек же благодаря разуму способен выбирать между мотивами, преподнося их своей воле, что называется «обдумывать». Отличие способа мотивации, исходящее из больших возможностей познания, обуславливает возможность проявления в представителях человечества ясно очерченного индивидуального характера⁵⁸.

Быть выразителем последнего – удел не каждого. Для этого требуется, чтобы человек принимал решения о собственных действиях, то есть предоставлял своей воле выбор между несколькими мотивами,

⁵⁴ «Зримо выражается отчасти в неизменной физиономии и строении тела, отчасти в преходящих аффектах и страстях, этой взаимной модификации познания и желания, а всё это вместе отражается в лице и движениях». §45. С.197

⁵⁵ §55. С.251

⁵⁶ §55. С.251

⁵⁷ §55. С.256

⁵⁸ Хотя животные почти исключительно определены родовым характером, некоторые черты индивидуальности заметны и среди них

оформленными в абстрактные понятия (мысли). Признаком индивидуального характера человека является не непосредственно возникающее желание, т.е. следствие данного внешнего впечатления или внутреннего настроения, присущее всему роду и потому выражающее родовой характер, но его индивидуальное решение. Оно предполагает рефлекссию, обдумывание и определяет соответствующее действие человека в качестве сознательного поступка. Всякое иное действие не должно называться поступком, но только поведением. Действуя неосознанно, человек определён не индивидуальным характером, а родовым⁵⁹. В этом случае человек не осуществляет себя, не существует как личность, поскольку действует не в соответствии с тем, на что способен по созданию именно он, а в соответствии с тем, что могут люди вообще⁶⁰. Только решение, ставшее впервые известным через совершённый поступок, выражает умопостигаемый характер, уникальную сторону идеи человека. Если же индивид живет, не сознавая мотивов своих действий, не выбирая между ними, то он не актуализирует свою индивидуальность.

В этом мысль Шопенгауэра согласна с библейским пониманием человека как созданного по образу и подобию Бога (Быт. 1:26), состоящим в том, что человек сотворён Богом и сотворён способным к тому, чтобы отражать такие качества Творца как разумность, свобода воли, бессмертие, творчество и другие. По созданию человек имеет возможность уподобиться Богу, но для её актуализации необходимо его собственное усилие. Те же, кто не стремится к осуществлению вложенного в них Творцом, имеют искажённую природу. Шопенгауэром эта мысль передана так: «одного только желания и умения самих по себе еще недостаточно, и человек должен также *знать*, чего он хочет, и *знать*, что он может: только таким образом он проявит характер и только тогда он сможет совершить нечто настоящее»⁶¹. Рефлексивное знание свойств собственной индивидуальности позволяет

⁵⁹ Поведение животного, оперирующего лишь наглядными представлениями, полностью зависит от мотивов, характерных для его породы.

⁶⁰ §55. С.259

⁶¹ §55. С. 260

человеку иметь волю: принимать решения и поступать в согласии с тем, что он знает о себе. Проявление характера – это реализация возможностей собственной индивидуальности, осуществление себя, своего рода творчество. Именно в этом процессе человек уподобляется сущности мира и обретает собственную волю – «возможность исполнять, уже сознательно и методически, ту раз и навсегда неизменную роль собственной личности, которую мы прежде осуществляли бессистемно, и под руководством незыблемых понятий восполнять в ней пробелы, созданные прихотью и слабостями»⁶². Только присутствие воли в человеке обнаруживает его индивидуальный характер в его личности, создаёт его образ.

Не каждый человек выражает свою индивидуальную волю, поэтому не каждый имеет собственный образ. Отсутствие такового означает, что конкретный человек безразличен⁶³ для идеи человека, что он – лишь случайная форма её явления⁶⁴. Такой человек слепо следует спонтанным желаниям, но и легко отказывается от них, если для их удовлетворения требуются усилия. Он не имеет собственных желаний, потому что не имеет собственной воли для их удовлетворения. Его поведение и внешность не выражают его личных намерений, он никак не выделяется из множества представителей человечества.

Мы уже говорили о том, что человек наделяется образом посредством решения по выбору, поскольку оно «обуславливает возможность полного обнаружения индивидуального характера»⁶⁵. Однако, действуя в соответствии с осознанным желанием поступить так, а не иначе, человек актуализирует себя как волю, но вовсе не проявляет свою индивидуальную свободу. Индивид как явление воли по созданию своему не может быть свободным, все его действия определены либо родовым характером

⁶² §55. С.261

⁶³ Индивид характеризуется наделённостью признаками индивидуального характера (§26. С.125). Так что, если способ бытия человека неиндивидуален, то его образ жизни неотличим от образов жизни таких же бесхарактерных людей, и все эти существования сливаются в самопознании воли в единый образ рода.

⁶⁴ §35. С.163

⁶⁵ §55. С.258

человечества, и тогда он не имеет своего собственного лица, либо индивидуальным умозрительным характером, и тогда он проявляет себя как личность. И только решение, осуществленное в поступке, отличает человека от прочих представителей его рода; решение проявляет его умопостижимый характер в его личности, и тогда он обретает собственный образ, обнаруживает⁶⁶ его для себя и для других людей.

⁶⁶ То есть делает объектом самопознания воли в целом

III. Образы человека

Человек, сохраняющий лицо вне зависимости от преходящих условностей окружающего мира, имеет поистине твёрдую волю. Его личность обретает бытие посредством его поступков, что значит, что он воплощает своей жизнью собственный непреходящий образ, который по ту сторону эмпирического есть его идея. Снова имеет смысл вспомнить античных мыслителей, в частности Сократа и стоиков, которые понимали неизменное в человеке как божественное. Разница между ними в этом отношении состояла лишь в том, что первый призывал искать истину в своей душе (внутри себя, в самом человеке), а вторые – в мировой (в природе). Позиция Шопенгауэра объединяет обе упомянутых. Микрокосм и макрокосм не просто повторяют друг друга, но они есть одно и то же: «Эта тонкая часть есть весь этот мир, это – истина, это – атман, это ты»⁶⁷.

Такова истина. Представить такое не сложно, а попросту невозможно. Любое представление, пусть даже и истинное – не она сама, но ограниченный (законами мышления) её образ. Исследовать их вполне возможно, и поскольку в этом состоит задача настоящей работы, возвращаем себя к её исполнению.

1. Индивидуальные образы

Шопенгауэр пишет о том, что во всяком индивиде и посредством всякого его поступка всё более и более раскрывается идея человечества⁶⁸. На основании сказанного нами выше мы можем выделить, по крайней мере, два типа представителей человеческого рода: тех, кто имеет индивидуальный образ, то есть проявляет собственный уникальный характер, и тех, кто

⁶⁷ Чхандогья-упанишада VI.8.7 и дальше. Древнеиндийская философия. Начальный период. М., Соцэкгиз, 1963. С.117

⁶⁸ §48. С.201

индивидуального образа не имеет, то есть проявляет себя как «человек вообще»⁶⁹.

Индивидуальный образ – это образ жизни личности, который выявляет некоторую сторону идеи человека. Человек, имеющий постоянный, устойчивый, определённый и независимый от течения жизни образ, обладает самобытной значительностью, которая выражена в его фигуре, его действиях, в способе его познания, а также в его лице и жестах⁷⁰.

Для образа значимы внешность, действия индивида и их мотивы. Так, предмет нашего исследования охватывает все основные ступени объективации воли: минеральную (физико-химический состав тела и его пространственная конфигурация), растительную (действия по раздражителям) и животную (познание объекта желания, действия по мотивам)⁷¹. Собственно человеческое же в образе человека – это его поступки⁷², то есть действия, основанные на его решении, которые определяют его в качестве исключительного явления⁷³.

Между тем, если только человек выбирает между мотивами, то его решение будет соответствовать его умопостижаемому характеру. Его выбор предопределён его характером, хотя и ощущается как свободный: «...так как в самосознании воля познаётся непосредственно и в себе, то в этом сознании

⁶⁹ Когда человек не имеет своей воли, то её заменяет рассудительность. Последняя же не может объективировать индивидуальное, но только общее – такова функция рассудка. Поэтому Шопенгауэр пишет: «Эмпирический характер как простое влечение природы сам по себе неразумен, и разум даже мешает его проявлениям – тем сильнее, чем большей рассудительностью и силой мысли человек обладает. Ибо последние всегда показывают ему, что *подобаает человеку* вообще как родовому характеру, чего он может хотеть и что может осуществить». §55. С. 259

⁷⁰ §48. С.201

⁷¹ «Познание, вместе с обусловленным им движением по мотивам, составляет поэтому истинный *характер животности*, подобно тому как движение по раздражителям составляет характер растений». §6. С.33

⁷² «Ибо только наши поступки представляют собой зеркало нашей воли». §55. С. 257

⁷³ «На высших ступенях объектности воли мы видим значительное проявление индивидуальности, особенно у человека, в виде большого разнообразия индивидуальных характеров, т.е. в виде законченной личности, которая выражается уже и внешним образом сильно очерченной индивидуальной физиономией, включая и общий строй тела. Подобной индивидуальностью в такой степени не обладает ни одно животное; только у высших животных есть некоторое подобие её, но над ним ещё вполне преобладает родовой характер, и поэтому у них мало индивидуальной физиономии. Чем ниже мы спускаемся, тем более в общем характере вида теряется всякий след индивидуального характера и остаётся только физиономия первого. Зная физиологический характер рода, мы вполне знаем и то, чего ожидать от индивида, тогда как в человечестве каждый индивид требует отдельного исследования, и необычайно трудно с некоторой точностью предсказать его поступки, потому что вместе с разумом появляется и возможность притворства». §26. С. 124

заложено и сознание свободы. Однако при этом упускается из виду, что индивид, личность – это не воля как вещь в себе, но уже *явление* воли и, как таковая, личность уже детерминирована и приняла форму явления – закон основания»⁷⁴. Действие человека – это актуализация его стремлений к определённым целям, то есть попытка удовлетворить некоторое желание, обрести его [желания] объект. В случае если цели определяет для себя не сам человек, но его жизненная среда (общество, семья, авторитеты), то его действия по её достижению не проявляют его индивидуальный характер. Пусть даже его поведением руководит класс представлений (абстрактные понятия, мысли), которого лишено животное, и на все его действия, хотя бы даже самые незначительные, наложена «печать *умысла и преднамеренности*», его единственной «стихией» остаются всё те же воздействие и реакция⁷⁵. Разница между его поведением и поведением животного формальна и состоит лишь в том, что мы «видим, как его движения направляются как бы тонкими незаметными нитями (мотивами, состоящими из одних мыслей), тогда как животных заставляют двигаться грубые, заметные для глаз канаты данной в созерцании действительности»⁷⁶.

Индивидуальный образ существует только там, где проявляет себя индивидуальная воля, то есть где индивид выбирает объекты своего желания и средства их достижения непосредственно, основываясь лишь на своём внутреннем чувстве, но никак не на аргументах извне. Впрочем, даже в этом случае человек не значительно свободнее животного. Благодаря разуму у него есть возможность выбирать между мотивами, преподнося их своей воле, что называется «обдумывать», однако это меняет лишь способ мотивации, необходимый же характер действия мотивов ничуть не умаляется: «*Мотив*

⁷⁴ §23. С. 109

⁷⁵ §57. С. 269

⁷⁶ Шопенгауэр, А. О свободе воли. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. С.247

становится мыслью, как созерцание становится *мотивом*, если только оно в состоянии действовать на данную волю»⁷⁷.

Личность имеет соответствующие проявляющейся в ней воле лицо⁷⁸ и фигуру⁷⁹, которые соединяются в понятии тела. Последнее есть «объектность воли, как она проявляется на данной ступени объективации и в данном индивидуе»⁸⁰. Оно заключает в себе источник того, что в нём обнаруживается. Желания тела поэтому – один из способов выражения вещи в себе, и конкретнее – воли к жизни. И объекты этих желаний сводятся к сохранению индивида и продолжению рода. Тот, чьи желания определены лишь удовольствиями тела, не отличен от животных как-нибудь значительно. Специфика человека, по Шопенгауэру, заключается в том, что он способен «нейтрализовать», «деактивировать» устремления тела, либо, напротив, расширить их масштабы. Иными словами, человек способен проявить себя за рамками того, что требует от него воля к жизни, индивидуализированная в его личности. Действительное преодоление *мотивированности исключительно личными интересами* выражает преобладающее влияние морального импульса в характере человека, её гипертрофия – эгоистического.

Нам могут возразить: и в природе не так уж редки случаи «альтруистического» поведения животных, и уж тем более они не поступятся ущербом других индивидов, если этого потребует удовлетворение имеющегося желания. Безусловно, подобные феномены имеют место, но они не дают нам основания характеризовать животное как доброе или как злое. Причина тому – отсутствие у него способности к абстрактным понятиям, обеспеченной человеку разумом. Всё, что делает животное, есть следствие

⁷⁷ «О свободе воли». С.247

⁷⁸ «...красота как соответствие человеческому типу уже сама заключает в себе выражение духовной ясности, безобразия же имеет противоположный характер». Примеч. ** к §12. С.63

⁷⁹ §26. С. 124

⁸⁰ §60. С. 279

непосредственного воздействия мотивов, так что нравственные категории ему попросту чужды.

Не то человек. Исключительный уровень познания, разумный, которым характеризуется соответствующая ему ступень объективации воли, наделяет его способностью видеть себя и, соответственно, выделять себя из мира. Отождествляя себя со своим явлением, человек растождествляет себя с миром и обнаруживает, что существует нечто отличное от него. Здесь у объективации воли возникает принципиально иной по сравнению с низшими ступенями способ познания объектов своего желания, поскольку над бессознательным, природным, инстинктивным механизмом урегулирования процессов сохранения и продолжения жизни надстраивается рефлексивное сознание, вращающееся вокруг «я» как центра мира.

Именно возникновение в явлении сознания, или познания себя в качестве некоторого «я», отличного от какого-нибудь «не-я», или даже мира в целом, впервые делает возможным этический дискурс.

2. Этические образы

Краеугольные понятия этики – доброту, злобу и справедливость – мы исследуем в качестве черт, присущих человеческим образам.

Прежде всего, нам следует указать на определение Шопенгауэром *эгоизма* как помышления индивида, делающего себя средоточием мира, относящегося к собственному существованию и благополучию ревностнее, чем ко всему другому, готового даже «уничтожить мир, лишь бы только сохранить собственное я, эту каплю в море»⁸¹, то есть такого, которому собственное существо и его сохранение важнее всех остальных. Эгоизм есть естественный результат познания, определённого *principium*⁸² *individuationis*. При этом желания эгоистичного человека легко выходят за пределы

⁸¹ §61. С. 284

⁸² Principium. 1. The action or fact of beginning, origination, start, founding. 2. The point of time at which a thing begins. 3. That form which anything grows or develops. 4. The first part (of a thing); the nearer end, head, boundary (of a region); the source; the original position, starting-point. 5. The earliest part, beginning, opening (of anything having duration in time). Oxford Latin Dictionary. P.1459

утверждения собственного тела (индивидуализированной воли к жизни), вплоть до отрицания воли, проявляющейся в другом индивиде⁸³. Такое вторжение одного в сферу утверждения воли другого называют *несправедливостью*⁸⁴.

Высокая степень эгоизма служит источником того, что индивид по всякому поводу, когда ему не мешает какая-нибудь внешняя сила, склонен совершать *несправедливость*. Такого человека называют *злым*⁸⁵. Шопенгауэр выделяет два основных элемента злого характера: 1) необычайно сильную, выходящую далеко за пределы утверждения собственного тела волю к жизни; 2) познание, «всецело отдавшееся закону основания и охваченное *principio individuationis*»⁸⁶, в силу которого человек сохраняет различие между его собственной личностью и всеми другими.

Чем сильнее воля к жизни, тем сильнее желание и, соответственно, страдание, поскольку «всякое желание как таковое вытекает из нужды, т.е. страдания»⁸⁷. Острое и частое желание сопровождается острым и частым страданием, что проявляется в облике злых людей: выражение их лица «носит отпечаток внутреннего страдания; даже и достигнув всякого внешнего счастья, они все-таки имеют несчастный вид, если только не охвачены мимолетным ликованием или не притворяются»⁸⁸. Внутренняя мука непосредственно присуща таким представителям человечества, она неотделима от самого их существа. Она рождает *ненавистничество* и может стать причиной настоящей *злости*, т.е. бескорыстной радости от чужого горя. Злота же, в свою очередь, порой доходит до *жестокости*, для которой «страдание уже не средство для достижения целей собственной воли, а самоцель»⁸⁹.

⁸³ §62. С. 285

⁸⁴ Она осуществляется насильем или обманом. Там же.

⁸⁵ §65. С. 309

⁸⁶ §65. С. 309

⁸⁷ §65. С. 310

⁸⁸ §65. С. 310

⁸⁹ §65. С. 310

Для того чтобы начать разговор о *доброте*, Шопенгауэр проясняет понятие *справедливости*. Заметим здесь, что противоположностью несправедливости, согласно «Миру как воле и представлению», является право (моральное)⁹⁰. Справедливость же есть простое отрицание злобы, промежуточная ступень между ним и добротой. *Справедлив* тот, кто добровольно признаёт и соблюдает границу между неправдой и правом. Таким образом, право – только формально, абстрактно, справедливость же есть характеристика конкретного индивида, она содержательна, так как имеет в себе определённое намерение: «В такой справедливости, если доходить до ее сути, уже содержится намерение не идти в утверждении собственной воли так далеко, чтобы отрицать чужие проявления воли, принуждая их служить себе»⁹¹.

Справедливость – это добровольное несовершенство несправедливости. И если несправедливый руководим эгоизмом, то справедливый – определённой степенью «прозрения в principium individuationis»⁹². Более совершенное познание иллюзорности указанного принципа ведет уже «к положительному благоволению и благодеянию, к человеколюбию»⁹³. То есть, человек не просто сдерживает утверждение своей воли в границах права, но стремится утвердить волю, являющуюся в другом индивиде.

Постижение принципа индивидуации, т.е. изменение в способе познания объекта, имеет своим следствием изменение характеристик познающего субъекта. Воля, являющая себя в индивидах, преодолевших эгоизм как метод мышления, в меньшей степени характеризуется как справедливая, а в более высокой – как подлинно благая, выражающаяся в чистой, бескорыстной любви к другим⁹⁴. Человека,

⁹⁰ «Понятие права заключает в себе только отрицание неправого, и под него подводится всякое деяние, которое... не отрицает чужой воли ради сильнейшего утверждения своей». §62. С. 289

⁹¹ §66. С. 316

⁹² §66. С. 316

⁹³ §66. С. 316

⁹⁴ «Там, где она [любовь] достигает высшего предела, чужая индивидуальность и ее судьба отождествляются с собственной; далее этого любовь не может идти, ибо нет основания предпочитать чужую

проявляющего благую волю, называют *добрым*. Он, в отличие от злого, живёт в мире, в котором явления ему дружественны, а благо всякого из них – и его благо тоже. Познание, прорвавшее пелену майи, делает возможными и объясняет благие помыслы индивидов, на высших ступенях являющихся бескорыстно любящими других и великодушно жертвующими собой ради них⁹⁵.

Эгоизм есть источник более животного характера – жадного, чревоугоднического, сластолюбивого, своекорыстного, несправедливого, немилосердного, гордого, тщеславного и т.д.; *ненавистничество* – более «дьявольского» - недоброжелательного, завистливого, зложелательного, злобного, злорадного, клеветнического, наглого, жестокого и т.д.⁹⁶ Помимо них человеку в той или иной степени присущ моральный импульс, берущий начало в сознании, «что всё живое по своей внутренней сущности есть то же самое, что и наша собственная личность»⁹⁷. Ни один характер не лишён совершенно одного из этих трёх векторов, и их соотношение определяет этический образ человека в целом.

индивидуальность собственной. Однако, если благу или жизни большого чиста чужих индивидов грозит опасность, это может перевесить заботу о собственном благе отдельного лица. В таком случае человек, отмеченный высшей добротой и благородством, все свое счастье и всю свою жизнь принесет в жертву для блага многих других людей: так умер Кодр, так умерли Леонид, Регул, Деций Мус, Арнольд Винкельрид, так умирают все те, кто добровольно и сознательно идет на верную смерть за своих близких, за свое отечество. На этой же ступени находятся и те, кто добровольно принимает на себя страдания и смерть во имя того, что служит для блага человечества и составляет его право, -- во имя всеобщих и важных истин и ради борьбы с великими заблуждениями: так умер Сократ, так умер Джордано Бруно, и не мало героев истины нашли себе такую смерть на костре, от рук духовенства». §67. С. 319

⁹⁵ §68. С.322

⁹⁶ «Об основе морали». Шопенгауэр, А. О свободе воли. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. С.403

⁹⁷ §66. С. 318

IV. Субъект познания

Мы изучали человека в качестве желающего и поступающего субъекта. Исследование привело нас к мысли, что в универсуме «Мира как воли и представления» способ, каким человек познаёт себя и мир, оказывает непосредственное влияние на его собственный образ жизни. И потому наш следующий шаг – изучение человека как субъекта познающего.

1. Человек как субъект

Образ человека, как мы помним, соответствует тому, как он поступает. Поступки же совершаются под воздействием мотивов, определённых его характером. Мотивы, в свою очередь, имеют действие только будучи познанными в качестве таковых. Познание есть неременное условие и причина движения по мотивам⁹⁸.

Объект желания зависит от того, *как* воля его познаёт. Каковы же возможности познания? И каковы соответствующие им объекты?

Говоря об этических образах, мы указывали на то, что характеристики личности варьируются в соответствии с тем, какую власть над познанием индивида имеет *principium individuationis*. Так, если человек ослеплён иллюзией множественности⁹⁹ мира как представления, он мыслит эгоистично и порой доходит до злого и даже ненавистнического отношения к проявлениям той же самой сущности, объективацией которой является он сам. Если же познание единства этой сущности мотивирует человека к проявлению благой воли, его поступки выражают ту или иную степень любви к другим. Причина таких разительных отличий среди представителей человечества, как мы должны помнить, состоит в том, что каждый определён к своему бытию уникальным актом воли¹⁰⁰. Глубина постижения принципа

⁹⁸ §6. С.33

⁹⁹ «...наш мир есть не что иное, как явление идей во множественности». §52. С.224

¹⁰⁰ §55. С. 248

индивидуации и сила его [постижения] воздействия¹⁰¹ на конкретного индивида определена именно этими актом и ничем иным.

Всё сказанное выше имеет в виду познание, характеризующее животную¹⁰² ступень объективации воли. Это значит, что познание ради действия, пусть даже и прозревающее иллюзорность мира как представления, выполняет функцию¹⁰³, предписанную ей волей.

Высшая ступень объективации воли, между тем, не ограничена лишь рассудочным познанием, присущим явлениям животной ступени. Идея человека предполагает «свет двойного познания», т.е. кроме рассудка ещё и способность к абстрактным понятиям¹⁰⁴. Последняя есть то, что принято называть разумом, что обеспечивает возможность рефлексии и есть «как бы повышенная степень наглядного познания». Разум позволяет человеку абстрагироваться от влияний текущего момента¹⁰⁵, осознавать решения

¹⁰¹ = действия в качестве мотива

¹⁰² «Познание, вместе с обусловленным им движением по мотивам, составляет поэтому истинный *характер животности*, подобно тому как движение по раздражителям составляет характер растений». §6. С.33

¹⁰³ «Все более высокие ступени объектности воли приводят, наконец, к такой точке, где индивид, представляющий идею, уже не мог бы получать необходимой для ассимиляции пищи посредством одних движений благодаря раздражителям, ибо такого раздражителя надо было бы выжидать, а пища между тем здесь определена специальнее, и при возрастающем разнообразии явлений сутолока и смятение сделались так велики, что эти явления мешают друг другу и случайность, от которой должны ожидать для себя пищи особи, движимые одними лишь раздражителями, здесь была бы слишком неблагоприятна. Пищи поэтому надо искать, ее надо выбирать с того момента, когда животное покидает оболочку яйца или материнской утробы, в которой оно бессознательно прозябало. Поэтому здесь становятся необходимыми движение по мотивам и – ради него – познание, которое и появляется на этой ступени объективации воли в качестве вспомогательного средства, *μηχανή*, для поддержания индивида и продолжения рода. Оно появляется, представленное мозгом или большим ганглием, подобно тому как и всякое другое стремление или назначение объективирующейся воли репрезентируется в каком-либо органе, т. е. обнаруживает себя для представления в виде органа». §27. С.139

¹⁰⁴ «...там, где воля достигает самой высокой степени своей объективации, уже не достаточно появившегося у животных рассудочного познания, которое получает данные от чувств (откуда происходит простое созерцание, ограниченное настоящим): человек, это сложное, многостороннее, способное к развитию, исполненное потребностей и доступное бесчисленным ударам существо, чтобы отстоять свое бытие, должен был получить свет двойного познания; к его наглядному познанию должна была присоединиться как бы его повышенная степень, рефлексия, – разум как способность к абстрактным понятиям. Вместе с ним появились обдуманность, которая обзирает будущее и прошлое, и как ее результат – размышление, заботливость, способность к преднамеренной, независимой от настоящего деятельности, наконец, вполне ясное осознание решений собственной воли как таковых». §27. С.140

¹⁰⁵ «Что же касается человека, то он благодаря своей способности к неинтуитивным представлениям, позволяющей ему *думать* и *размышлять*, обладает бесконечно более широким кругозором [чем животное], обнимающим отсутствующее прошлое и будущее: поэтому он обладает гораздо более обширной сферой для воздействия мотивов, а следовательно, и для выбора, нежели животное, ограниченное узким настоящим. Его деятельность обычно определяется не тем, что предлежит его чувственному созерцанию, непосредственно дано в пространстве и времени; определение это исходит, скорее, просто от *мыслей*, которые он всюду носит с собою в своей голове и которые делают его независимым от впечатлений наличной действительности.

собственной *воли* и проявлять свой характер; об этом сказано достаточно. Он же, между тем, даёт возможность познающему субъекту абстрагироваться и от самой воли. В первом случае разумное познание не отличается от наглядного, поскольку является средством к поддержанию индивида и рода. Почти у всех людей оно соответствует своему изначальному предназначению – служит воле, так же, как это происходит у всех животных¹⁰⁶. Однако во втором случае, у отдельных людей, познание свободно от этой служебной функции и обращает субъекта в безвольное зеркало мира.

2. Гений

Человек как самое совершенное явление воли наделён соответствующей степенью познания, для которого «стало возможно даже вполне адекватное воспроизведение сущности мира, под формой представления»¹⁰⁷. Адекватное воспроизведение сущности мира как представления есть восприятие идей, чистое зеркало мира.

В качестве индивида человек не обладает иным познанием, кроме подчинённого закону основания¹⁰⁸. Последний есть форма, искажающая идею в познании субъекта как индивида. Из этого мы делаем вывод, что возможность познания идей не детерминирована индивидуальным характером, так как характер имеет значение проекта поведения человека, т.е. предписывает, каким образом определённые мотивы будут действовать на его волю. Действие это обеспечивается тем, что объекты познания ставятся в определённые отношения к непосредственному объекту субъекта познания – к его телу¹⁰⁹.

Если же они такого действия не оказывают, поведение человека носит название неразумного; напротив, мы признаём разумность за таким образом действий, который основывается исключительно на хорошо обдуманных мыслях и потому совершенно не зависит от впечатлений созерцаемой действительности». О свободе воли. С.247

¹⁰⁶ §27. С.141

¹⁰⁷ §55. С.247

¹⁰⁸ §33. С.158

¹⁰⁹ §6. С. 32

Восприятие идей возможно лишь внетелесным субъектом, никак не соотнесённым с материей, не действующим¹¹⁰ в мире как представлении, то есть таким, который исключён из причинно-следственных связей. Иными словами, в нём должно произойти изменение, благодаря которому он уже не будет индивидом¹¹¹. Это изменение в субъекте соответствует и аналогично «великой перемене во всём характере объекта»¹¹², который более не представляет *отношения*¹¹³ некой вещи к воле, но есть *абсолютная* форма, идея, непосредственная объектность воли на некоторой ступени. Род познания, характеризуемый тем, что «объект выходит из всяких отношений к чему-нибудь вне себя, субъект – из всяких отношений к воле»¹¹⁴, есть искусство, создание *гения*¹¹⁵.

Гений заключается в способности созерцать вещи независимо от закона основания и, следовательно, «вместо отдельных вещей, существующих только в отношениях, постигать их идеи и соответственно самому быть коррелятом идеи, т.е. уже не индивидом, а чистым субъектом познания»¹¹⁶. Шопенгауэр пишет, что гениальность¹¹⁷ в меньшей и различной степени присуща всем людям, которые способны к эстетическому наслаждению. Гений же отличен от них значительно более высокой степенью объективности и большей устойчивостью безвольного созерцания¹¹⁸.

Познание идей предполагает отрешение от собственной личности. Выше мы говорили о том, что такое познание никак не характеризует индивидуальность. Способность человека отрешиться от действий воли,

¹¹⁰ «Бытие материи – это её действие; иного бытия её нельзя даже и помыслить». §4. С.23

¹¹¹ «Индивид как проявление идеи всегда есть материя». §42. С.188

¹¹² §33. С.158

¹¹³ «...поднятые силой духа, мы оставляем обычный способ наблюдения вещей согласно формам закона основания и перестаем интересоваться только их взаимными отношениями, конечной целью которых всегда является отношение к нашей собственной воле». §34. С.159

¹¹⁴ §34. С.160

¹¹⁵ §36. С.164

¹¹⁶ §37. С.172

¹¹⁷ «...гениальность есть не что иное, как полнейшая *объективность*, т.е. объективное направление духа в противоположность субъективному, которое обращено к собственной личности, т.е. воле». §36, с.165

¹¹⁸ «...что и позволяет ему сохранять при этом ту обдуманность, которая необходима для того, чтобы воспроизвести познанное в свободном творении: такое воспроизведение и есть создание искусства». §37. С.173

материального бытия¹¹⁹ - это нечто чуждое природе объективации воли, «нечто противоестественное или, лучше, сверхъестественное»¹²⁰, поскольку интеллект, созданный ради познания интересов собственной личности, освобождается от служения воле. Гений, как пишет Шопенгауэр, - это интеллект, изменивший своему назначению¹²¹.

В нашем исследовании мы делаем различие между *гением* как высшей степенью объективности познающего субъекта и гениальным индивидом как человеком, наделённым такой способностью. Первый есть *сверхъестественная* сила и потому может быть свойственна лишь абсолютному бытию, то есть гений – это характеристика вещи в себе. Индивидуальная гениальность, поэтому, не может быть проявлением уникальной идеи, раз идея как объективация воли не абсолютна по природе, то есть естественна. Гениальность, проявляющаяся в индивиде, таким образом - это непосредственная действительность в нём самой вещи в себе.

В тридцать первой главе второго тома Шопенгауэр, говоря о гении, даёт понятие истинной серьёзности: «Как свинцовая привеска всегда возвращает данное тело в то самое положение, какого требует определяемый ею центр тяжести его, так истинно серьёзное в человеке всегда направляет силу и внимание интеллекта туда, *где оно лежит*; всё же другое человек делает *без истинной серьёзности*¹²². Поэтому только в высшей степени редкие, необыкновенные люди, истинная серьёзность которых лежит не в личном и практическом, а в объективном и теоретическом, - только они в состоянии воспринимать и так или иначе воспроизводить существенное в вещах в мире, т.е. высшие истины»¹²³. Серьёзность гениального индивида предполагает раскол между интеллектом и волей¹²⁴. Этот *раскол* мы, со своей

¹¹⁹ «Бытие материи – это её действие; иного бытия её нельзя даже и помыслить». §4. С.23

¹²⁰ Глава 31. С.322

¹²¹ Глава 31. С.323

¹²² *Serius*, a. [cf. perh. Old High German *swari* 'heavy', Gothic *swers* 'esteemed'] 1. Weighty, important, serious. 2. Sober in character or appearance. Oxford Latin Dictionary, P.1743

¹²³ глава 31. С.322

¹²⁴ глава 31. С.324

стороны, относим к *отсутствию идеи гения*, того промежуточного звена между волей и множеством её материальных проявлений, которое служило бы регулирующим элементом, посредством которого во всех прочих случаях индивиды действуют в соответствии с предопределёнными интересами, поскольку познают мир лишь в границах, детерминированных их степенью объективации.

Исходя из сказанного, мы заявляем: гениального характера как уникальной идеи не существует. Однако гениальный представитель человечества есть, всё-таки, индивид, воплощённый в этом материальном мире и действующий в среде прочих людей, поэтому мы можем, опираясь на текст «Мира как воли и представления», представить его образ в общих чертах, то есть чертах, свойственных тем, кого называют гениями.

Особенность внешности таких людей обусловлена их отличным от обыкновенного способом созерцания: «Взор человека, в котором живёт и действует гений, легко отличает его от других: живой и в то же время пристальный, он носит созерцательный характер, как это видно на изображениях немногих гениальных голов, которые время от времени среди бесчисленных миллионов создавала природа; напротив, во взоре других людей, если только он, как в большинстве случаев, не тупой или вялый, легко заметить настоящую противоположность созерцания – высматривание. Поэтому «гениальное выражение» головы состоит в том, что виден решительный перевес познания над желанием»¹²⁵.

Об образе действий гениально одарённого индивида Шопенгауэр пишет¹²⁶, что он более или менее непригоден для жизни и ведёт себя порой подобно безумцу. Ввиду чрезмерно повышенной познавательной силы, он обращает своё внимание скорее на общее, чем на отдельное, в то время как для частной жизни требуется преимущественно знание последнего. Когда же

¹²⁵ Глава 31. С.324

¹²⁶ Глава 31. С.326

случается ему решать личные вопросы, то всё по той же причине он пускается в крайности. Высокоодарённому представителю человечества свойственно из-за мелочей приходиться в состоянии самых разнородных аффектов¹²⁷, непонятных иным. В этом смысле ему, безусловно, недостаёт житейской практичности, трезвости в решениях, ибо он чрезвычайно впечатлителен в силу непомерно интенсивной нервной и мозговой жизни. Преобладающее значение активности нервной системы в организме и познающей деятельности вместе с наивностью и возвышенной простотой, по мнению Шопенгауэра, сближают гения с ребёнком¹²⁸. Действительность, которая так интересуется и заботит взрослых, редко может удовлетворить гениального индивида, потому что она не наполняет его сознания, ведь мера его познавательной способности много превосходит заурядную. Отсюда – его живое беспокойство и неудовлетворённость обыденной жизнью¹²⁹.

Неискусность такого образа жизни можно пояснить цитатой: «Если для обыкновенного человека познание служит фонарём, который освещает ему путь, то для гения оно – солнце, озаряющее для него мир»¹³⁰. Для нашего исследования это значит, что у гения нет определённого его индивидуальностью жизненного пути, поскольку он не делает выбора между шагом влево, вправо, вперёд или назад. Для него все эти возможности равнобесмысленны ибо неинтересны, так как это частности практического характера. Его же истинная серьёзность, как уже мы знаем, находится в теоретическом.

¹²⁷ «Склонность – это любая более или менее сильная восприимчивость воли к мотивам известного рода... Аффект – это неодолимое, но преходящее возбуждение воли, обусловленное таким мотивом, сила которого определена не какой-нибудь глубоко укоренившейся склонностью, а только тем, что внезапно зародившись, он на данный момент исключает противодействие всех других мотивов и является таким представлением, которое, благодаря своей необычайной живости, совершенно затмевает другие представления или как бы заслоняет их своей слишком большой близостью, так что они не могут проникнуть в сознание и воздействовать на волю, вследствие чего способность трезвого размышления, а с нею и интеллектуальная свобода до известной степени подавляется». Глава 47. С.498

¹²⁸Глава 31. С. 330-332

¹²⁹ §36. С.166

¹³⁰ §36. С.167

V. Образ познавшей себя воли к жизни. Аскетизм¹³¹

Характер выражается в том, каким образом познанные объекты действуют на волю, выступающую субъектом этого познания. Исследуя этические образы, мы отмечали, что познание тождества воли во всех её проявлениях побуждает индивида быть в меньшей мере справедливым, а в большей – человеколюбивым. Моральные добродетели (справедливость и человеколюбие) служат признаком того, что являющаяся воля уже не находится целиком во власти эгоизма. Они предполагают самоограничение воли к жизни, в котором находит своё выражение её склонность к самоотрицанию¹³². Чем выше степень ясности постижения принципа индивидуации, тем более глубокое влияние оказывает оно на волю¹³³, тем ярче, соответственно, проявляется указанная склонность.

Человек, полностью свободный от иллюзии *principia individuationis*, не проводит эгоистического различия между своей личностью и чужой, так что страдание другого мучит его так же, как собственное. Потому он способен действовать вопреки своим интересам ради интересов других, то есть готов даже принести им в жертву собственную индивидуальность. Добровольное отречение от того, что представляется личным благом, во имя чужого блага открывает путь к достижению состояния совершенного отсутствия желаний¹³⁴.

Состояние резиньяции – результат переворота, произошедшего с волей: «она уже не утверждает своей сущности, отражающейся в явлении, она отрицает её»¹³⁵. Отражение сущности воли в явлении есть желания тела, то есть стремление к сохранению и умножению жизни. Признак того, что от утверждения этого стремления воля обратилась к его отрицанию, есть

¹³¹ ἄσκέω 1. work raw materials. 2. practise, exercise, train. Liddell – Scott. P.257

¹³² Глава 48. С.509

¹³³ §68. С.322

¹³⁴ «Познание вещей как отдельных есть познание их отношения к собственной личности, то есть познание *мотивов* для своего желания; познание же мира как целого и всех явлений как одинаково близких себе становится *квиетивом* всякого желания». §68. С.323

¹³⁵ §68. С.323

переход от добродетели к *аскетизму*, т.е. преднамеренному сокрушению воли через отказ от приятного и поиски неприятного, добровольному избранию жизни покаяния и самобичевания ради полного умерщвления воли¹³⁶. Человек познаёт бесконечность бессмысленного страдания целого мира, причинённого сущностью, выражающей себя в его собственном явлении, так что не может более успокоиться, возлюбив ближнего как самого себя, ибо эта сущность его отвращает. Он вступает в открытую вражду с её явлением – собственным телом.

В первую очередь, «аскетизм отрицает утверждение воли, выходящее за пределы индивидуальной жизни»¹³⁷, т.е. предполагает подавление полового влечения. Во-вторых, отрицание воли выражается в добровольной и преднамеренной нищете. Аскет, далее, рад всякому страданию, неважно причинённому ему случайно или по чужой злобе, ибо занимает вражескую позицию в отношении собственной личности. Он налагает на себя пост и физически истязает своё тело, чтобы лишениями и мучениями умертвить его сущность. Он с радостью встречает собственную смерть, так как видит в ней желанное освобождение. Таково абстрактное представление образа человека, отрицающего волю к жизни вследствие совершенного познания её сущности. Непосредственно отрицание воли к жизни выражается в образе жизни святых и подвижников, независимо от их языка и вероисповедания. Ибо только деяния, проистекающие из непосредственного познания сущности мира, свидетельствуют о святости; а тот отчёт о них, который предоставляет разуму абстрактное понятие (догмат), не имеет здесь ни малейшего значения. Шопенгауэр, в частности, вспоминает христианских и индуистских святых и подвижников и указывает на поразительное сходство их жизнеописаний. Обнаруживаемое здесь очевидное единодушие при всём различии народов доказывает, что самоотречение есть существенная сторона человеческой

¹³⁶ §68. С.333

¹³⁷ §68. С.324

природы¹³⁸. Так, отрицание воли к жизни присуще в целом той ступени объективации воли, проявлением которой служит человечество. Действительно же выражают эту сторону идеи человека очень редкие индивиды. Их образ жизни так исключителен и непознаваем для интеллекта, пленённого формами закона основания, что воспринимается большинством людей как душевная странность или безумие.

К резиньяции ведут два пути. Первый – совершенное познание, полностью уничтожающее действительность иллюзии эгоизма, технически подкреплённое добровольным аскетизмом; путь усвоения чужих страданий и обусловленного им сознания горести бытия. Второй (δεύτερος πλοῦς) – очищающая мера страдания, посланная судьбой; путь собственного мучения. В обоих случаях, воля должна быть сломлена величайшим личным страданием, открывающим ей последнюю тайну жизни. Страдание обладает очищающей потенцией, поскольку обнаруживает внутренний разлад воли с самой собой, познание которого есть одновременно отвращающее от неё познание её ничтожества. Впрочем, отрицание воли не следует из страдания с неизбежностью следствия из причины, так как сущность её всегда остаётся свободной. Для каждого страдания можно представить волю, превосходящую его напряжённостью и оттого несокрушимую¹³⁹. Кроме того, прозрение в сущность мира может покинуть человека вместе с тем поводом, который его вызвал, и воля к жизни вместе с прежним характером возвратятся. Эти обстоятельства указывают на то, что первый путь ведёт к истинному и полному отрицанию воли к жизни с большей необходимостью и меньшей долей случайности, чем второй, и потому может считаться более совершенным.

¹³⁸ §68. С.331

¹³⁹ §68. С.336

VI. Отрешённость¹⁴⁰

«Как цветок лотоса, плавающий на поверхности мутной воды,
не пятнается водой...»¹⁴¹

Бхагавадгита, 5:10

Совершившийся внутри индивида переворот, отвративший его от собственной сущности, не утверждает отрицание к воле к жизни раз и навсегда. Святые и подвижники предаются аскетизму, для того, чтобы укрепиться в борьбе с похотью и удостовериться в собственном безволии. Ибо и для них всё ещё опасен соблазн возвращения желания, олицетворённый в образе дьявола. В нём – риск исчезновения благодати, т.е. способа познания, обессиливающего все мотивы. Они познали ценность иного бытия и потому ведут подвижнический образ жизни, чтобы укрощать воскресающую волю. В их жизни возникает тягостная забота о сохранении того достигнутого, которое представляется им высшим благом. Однако эта забота в сущности своей есть уже желание, так что она лишь препятствует истинному и полному освобождению. Кроме того, угрызения совести при невинном удовольствии или при малейшем возбуждении тщеславия – это действие склонности¹⁴², которую аскеза истребить не может.

Внутреннее состояние борцов с волей характеризуется волнениями совести и беспокойством об удержании благодати, так что нельзя признать его тем, что Шопенгауэр описывает как «внутреннюю радость и истинно небесный покой», «невозмутимый покой, глубокий мир и душевная ясность»¹⁴³ человека, свободного от воли. Состояние последнего «мы не можем видеть», о нём «мы не можем думать без величайшей тоски, ибо оно представляется нам как единственно должное, бесконечно превосходящее все другие вещи мира, и всё, что есть лучшего в нашей душе, зовёт нас к нему

¹⁴⁰ В рус. языке XI–XVII вв. изв. рѣшити «развязать, развязывать, отпустить грехи». Шапошников, Т.2. С.278-279. Предлог «от» восходит к и.-е. диал. *at- со значением «удаление». Там же. С.83

¹⁴¹ Хоули Д. Бхагавад Гита. От страха и страданий к свободе и бессмертию. – 3-е изд. – М.: Амрита, 2013. С.84

¹⁴² «Склонность – это любая более или менее сильная восприимчивость воли к мотивам известного рода». Глава 47. С.498

¹⁴³ §68. С.331

великим призывом: *Sapere aude!*»¹⁴⁴. Это есть блаженное и непреходящее состояние, дарованное отречением – спасение.

Всякое познание, как мы знаем, исходит из воли, служит её целям и тем утверждает её. Однако истинное спасение предполагает отрицание воли, и потому предел религиозного знания находится не иначе как в мистике и мистериях, тайнах, которые указывают на пустое место, т.е. туда, где прекращается всякое познание. Высшая истина, истина спасения, может быть выражена абстрактно (для мысли) только путём отрицаний, для чувств – символами, в храмах – темнотой и безмолвием¹⁴⁵.

Задача философии ограничена познанием мира, т.е. должна быть космологией и не становиться теологией. Она добросовестна, если утверждает лишь то, что может доказать (на что может с достоверностью указать в данном мире). Она полноценна, если достигает предела возможности утверждения и негативно определяет свои границы. В соответствии с этим философия Шопенгауэра, по его же словам, «достигнув своей вершины, принимает *отрицательный* характер, т.е. заканчивается отрицанием»¹⁴⁶. Достигнув границ познания, она указывает на то, что следует устранить, чтобы перейти эту границу и выйти в область того, что познанию трансцендентно.

В силу указанных причин то, что обретается истинным отрицанием воли, Шопенгауэр характеризует как ничто¹⁴⁷, поскольку интеллект ограничен исключительно отрицательным познанием этой вещи.

Исследуя этические образы, мы пришли к заключению, что они определены соотношением эгоизма, ненавистничества и морального импульса в характерах людей. Замечательно, что неразрывными между собой оказываются также квиетизм, аскеза и мистицизм, «так что те, кто

¹⁴⁴ Там же

¹⁴⁵ Глава 48. С.513

¹⁴⁶ Глава 48. С.514

¹⁴⁷ §71. С.349

исповедуют какой-нибудь один из них, постепенно склоняются и к исповеданию остальных, даже помимо собственного желания»¹⁴⁸. Однако в первой указанной тройке векторы разнонаправлены и как бы «разрывают» индивида, вторая же, наоборот, словно стягивает его в одну точку. Единство квиетизма, аскезы и мистицизма определяет действия человека и в этом смысле подобно характеру. Впрочем, различие здесь принципиально: характер детерминирует – указанное единство освобождает.

¹⁴⁸ Глава 48. С.516

Заключение

Желание – это недостаток наслаждения и стремление к определенному виду наполнения (образу, предположительно несущему наслаждение). Наличие желания предполагает ситуацию отсутствия наполненности, то есть некоторый пустой объём. Вид наполнения, стремление к которому формирует желание, вместе с неудовлетворенностью, создающей пространство для этого стремления, определены природой желающего, то есть тем актом воли, явлением которой он выступает. Так, например, испытываемый человеком голод при наличии мысленного образа пищи формируется в желание поесть. Здесь человек – явление воли к жизни; его неудовлетворенность, недостаток наслаждения – это голод; мысленный образ пищи – мотив, формирующий эту неудовлетворённость в определённое желание – желание поесть.

В данном примере желание пробуждено тем, что Шопенгауэр называет познанием, и притом познанием разумным, поскольку мотивом здесь выступает абстрактный образ, а не наличие пищи. Такой способ мотивации характерен исключительно для высшей ступени объективации. Из всех явлений только человек имеет возможность непосредственно обнаружить черты, присущие самой воле как вещи в себе. С онтологической точки зрения они состоят в трансцендировании (абстрагировании) собственной сущности; с гносеологической – в расщеплении собственной сущности на субъект и объект, рефлексии и оперировании абстрактными понятиями; с этической – во внутреннем противоречии и противоборстве.

Порядок мира таков, что одно явление реализует себя в нём через другое: животные ступень за ступенью нуждаются одно в другом, затем в растениях, которые, в свою очередь, нуждаются в почве, воде, химических элементах.... Каждый акт воли оспаривает у другого материю, пространство, время, ибо только посредством беспрестанного уничтожения (поглощения) одних другими идеи могут раскрыть себя в существовании. Однако в природе ни одно индивидуальное явление не преступает положенной ему его ступенью меры желания, так же как и не

поступается ради другого возможностью его удовлетворить. Безмерность желания (неудовлетворённости) и принесение возможности удовлетворения одного желания в жертву ради удовлетворения другого, - два полюса, между которыми разворачивается жизнь мира в целом. Они непосредственно характеризуют сущность мира как таковую, и они также составляют внутреннюю сущность человеческого индивида. Последняя есть акт воли, комбинирующий в себе эгоистический, ненавистнический и моральный импульсы. И хотя у каждого представителя человечества такое сочетание индивидуально, не во всяком воля сильна достаточно, чтобы стать его выразителем. Невыразительная жизнь утверждает какие-то отдельные черты образа человечества вообще, но сама по себе она несущественна для познания *идеи* человека. Такая жизнь безразлична для идеи человека, неотличима от других, потому что её агент – не личность, а значит, не имеет своего лица.

Идея человека раскрывается во множестве человеческих индивидов посредством различия индивидуальностей, каждая из которых выражает целое лишь отчасти. Вид такого выражения мы назвали образом.

Образ человека – это способ данности его жизни субъекту познания. Индивидуальная жизнь проявляется в индивидуальных действиях, то есть поступках, к которым определила себя личность. Эти поступки детерминированы характерными для личности мотивами – предписанными ей её характером объектами желаний. Если позволено будет провести ещё одну геометрическую аналогию, то мы уподобим умопостигаемый характер некоей объёмной фигуре в пространстве, заданном тремя осями координат: эгоистической, ненавистнической и моральной. Тогда объектам желаний будут соответствовать определённые пустоты внутри. И когда в познании субъекта предстаёт проекция этого объекта в виде образа, то срабатывают механизмы мотивации. Как марионетка движется в согласии с рукой кукловода, так индивид действует в соответствии со своей внутренней сущностью – идеей. И оба они служат обнаружению невидимого намерения тех, чьими агентами выступают.

Весь мир в целом есть самый полный образ воли к жизни. Он представляет собой все возможные отношения между частными явлениями единой сущности. Индивид всегда устремлён к единственному известному ему полюсу собственной жизненной жажды, которую всеми своими силами стремится удовлетворить. Жертвенность – второй полюс, в направлении которого может происходить движение явления, но уже не его внутренними силами, а волей, представленной в более могущественном явлении. Так, заяц утолит голод лисы, если во время охоты она проявит большую волю к жизни, чем он. Движение в направлении второго полюса – это движение к смерти. Что может быть более чуждо тому, чьё существование в желании жить?

Однако на высшей ступени объективации этого желания принесение в жертву возможности личного удовлетворения становится «самопроизвольным», то есть реализуемым собственными силами. Человек может быть убит злоумышленником, и тогда его смерть не будет принципиально отличаться от смерти зайца. Но он может умереть, помогая незнакомцу, попавшему в беду, пожертвовав интересами

с
о
б
с
Гносеологическое же заключается в том, что на высшей ступени объективации воля к жизни достигает осознания собственных желаний путём рефлексии, которая стала возможна в силу надления человека разумной способностью. До феномена непосредственного осознания волей объектов своего влечения, их установление было делом всех явлений вообще, то есть познание желаемого опосредовалось целым миром, его наличным состоянием. Разум же открыл возможности проектирования желаемого, не существующего в наличной

¹⁴⁹ Более удачным примером могла бы показаться смерть во имя Отечества, идеалов или ради защиты семьи. Однако отказ от собственной жизни ещё не означает отказа от собственной личности, ведь идеалы – это личные устремления, а защита семьи есть, в сущности, защита жизни собственного рода. То же можно сказать и о защите Родины. Здесь личность как бы вбирает в себя объёмы того, ради чего жертвует жизнь, и поэтому нельзя сказать, что она отказывается от своих интересов.

¹⁵⁰ «Два эти пути – светлый (Северный) и тёмный (Южный) – существуют изначально. Следуя светлым путём, человек достигает успеха в духовных делах и свободы; удел избравших тёмный путь – новые беды и страдания». Часть 1, Глава 8, стих 26. С. 119

действительности. Каждый человек стал способен быть отдельным субъектом познания и претворять мысленные образы (мотивы) в действительные объекты удовлетворения. Последнее смыкает гносеологическое тождество с онтологическим, ведь здесь разумное познание желаемого «взывает к бытию» его образ, иными словами, объективирует уже не в идеаторной сфере, но в материальной.

Три указанных призмы рассмотрения идеи человека демонстрируют совершенство выражения в ней воли к жизни. Но есть в этой идее грань, которую не удаётся рассмотреть ни под каким углом, ибо она непредставима. Скажем иначе: есть в человеке нечто принципиально иное по сравнению со всем, что мы можем знать о сущности мира.

Во введении мы поставили себе задачу ответить на три вопроса. Напомним их: Что такое образ человека? Какие образы человека существуют в универсуме «Мира как воли и представления»? Какое значение они в нём имеют? Развёрнутые ответы на первые два были даны в тексте исследования. Здесь мы сформулируем их кратко. Образ человека – это тот вид, в котором он представлен себе и другим людям; это образ его жизни, запечатлённый в его внешности и его поступках. Образы существуют как проекции идей, как их проявления, и потому есть индивидуальные образы, обнаруживающие индивидуальные характеры, и есть образы надиндивидуальные, обнаруживающие черты идеи человека вообще (человечества).

На вопрос о значении образов нам хотелось бы ответить образно. Пелена майи – материя – соткана из образов. Здесь всякое действие – стежок – вклад в общий рисунок. Человеческие образы – такие же узоры этой ткани, но от всех прочих они отличны масштабом. Все вместе они воплощают образ человечества. и большинства человеческих индивидов не имеют в нём как-либо очерченных границ. Однако есть и такие, кто образуют вполне самостоятельные узоры приобретённых характеров внутри общего.

Однако идея человека больше того, что может быть запечатлено в образах. Она – то, к постижению чего стремятся сознательно или, чаще, неосознанно все

существа, наделённые разумом. И люди объясняли, объясняют и будут объяснять себе себя бесконечно, ведь объяснение – это пролитие света на объясняемый предмет. Идея же человека недоступна представлению, и потому всегда скрыта тьмой. Образов.

Список литературы

1. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1, 2: Мир как воля и представление: Т. 1, 2 / Пер. с нем.; Под ред. А.А. Чанышева. – 2-е изд., исп. – М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015.
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Под ред. С.И. Соболевского. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
3. Шопенгауэр, А. О свободе воли. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 528 с.
4. Платон, Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1 / Пер.с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева и др. — М.: Мысль, 1990. – 860 с.
5. Биbihин В.В. Узнай себя. – СПб.: Наука, 1998. – 577 с.
6. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. — 460 с.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М.: Наука, 1989. – 576 с.
8. Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. – М.: Танаис, 1995. – 638 с.
9. В. Йегер, «Пайдея. Воспитание античного грека», Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, Москва 2001. Том 1,2 (1997).
10. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981 – 1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677с.
11. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / П. Адо; СПб.: Степной ветер, 2005. – 448с.
12. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. Ч. 1 / – М.: Типолитография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1906. – 212с.
13. Кессиди Ф.Х. Сократ / М.: Мысль, 1988. – 220с.

14. Марк Аврелий Антонин, Размышления, СПб.: Наука, 1993. – 248с.
15. Сенека Луций Анней, Нравственные письма к Луцилию / М.: Наука, 1997. – 384с.
16. Хоули Д. Бхагавад Гита. От страха и страданий к свободе и бессмертию. – 3-е изд. – М.: Амрита, 2013. – 240 с.
17. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. – 840 с.
18. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010.
19. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания. СПб, 1899 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1371 с.
20. Etymological Dictionary of Latin and the Other Languages By Michael de Vaan, Brill Leiden Boston 2008, 825 p.
21. Oxford Latin Dictionary, Oxford at The Clarendon Press, 1968. – 2126 p.
22. Henry George Liddell, Robert Scott. A Greek-English Lexicon. With a revised supplement. Oxford, Clarendon Press, 1996. – 2041 p. (320 p.)